

Исидор Борчашвили: «ВОССТАНАВЛИВАЯ ИСТОРИЧЕСКУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

*О работе Государственной комиссии
по полной реабилитации жертв политических репрессий*

Ежегодно 31 мая у нас в стране проводится День памяти жертв политических репрессий и голода. Официальное количество подвергшихся преследованиям и уничтожению во время политических репрессий 1937–1938 годов в Казахстане в свете вновь открывающихся сведений продолжает неуклонно увеличиваться. Так же, как и количество жертв коллективизации и конфискации 1928 года, приведших к голоду 1932–1934 годов, вследствие которого, по разным оценкам, на территории Казахстана погибло от 1,3 до 2,2 миллиона человек.

14 апреля 1993 года был принят Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», положивший начало планомерной работе в этом направлении. Поэтому Указ Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Кемелевича Токаева от 24 ноября 2020 года «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий» в общественном сознании тесно увязывается с вопросами национального суверенитета и восстановления исторической справедливости.

Прошедшее в апреле этого года в Нур-Султане совещание с руководителями и представителями рабочих групп и региональных комиссий областей и городов республиканского значения, ученых и общественных деятелей, а также появившиеся публикации, открывающие новые страницы трагической истории народа начала XX столетия, не могут не привлечь всеобщего заинтересованного внимания в свете политической и социальной значимости деятельности Госкомиссии в контексте Послания Главы государства К. К. Токаева «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации».

Об этом мы беседуем с членом одной из рабочих групп Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, известным правоведом, заслуженным деятелем РК, доктором юридических наук, профессором *Исидором Шамиловичем Борчашвили*.

– Исидор Шамилович, для начала хотелось бы узнать, с какими результатами работы Госкомиссии смогли ознакомиться участники прошедшего совещания, какие первостепенные задачи поставлены для активизации дальнейшей ее работы?

– На совещании было отмечено, что Госкомиссия после необходимого организационного периода, ознакомления с правовой базой и уже наработанными материалами, публикациями отечественных и зарубежных исследователей, проведении общественных слушаний и научных конференций по проблемам реабилитации жертв политических репрессий, рассекречивания архивных фондов приступает ко второму этапу своей деятельности, когда особое внимание будет уделено аналитической работе, подготовке научного заключения Госкомиссии. Рабочие группы и региональные комиссии обменялись опытом своих исследований: именно от их дальнейшего взаимодействия зависит эффективность выполнения стоящих задач. А это усиление поисковой работы в районных архивах, выявление категорий репрессированных, не подлежащих ранее реабилитации, разработка законодательных актов по полной реабилитации жертв репрессий, подготовка серии сборников архивных документов по политическим репрессиям и, в конечном итоге, – проекта заключения Госкомиссии, о чем говорили в своих выступлениях секретарь Государственной комиссии вице-министр образования и науки Куаныш Асылханович Ергалиев и руководитель Проектного офиса Госкомиссии Сабыр Ахметжанович Касымов.

Было отмечено, что распоряжением премьер-министра РК кадровый состав Госкомиссии усилен компетентными и квалифицированными специалистами заинтересованных министерств и ведомств, что будет способствовать более эффективной ее работе. По инициативе Проектного офиса и рекомендации ученых ведется активная методическая работа по рассекречиванию архивных материалов в отношении репрессированных, и сейчас, как подчеркнул в своем выступлении Сабыр Ахметжанович, многое зависит от руководителей региональных комиссий – заместителей акимов регионов, которые должны активизировать работу областных и районных архивов для выявления новых имен репрессированных для включения их в сборники архивных документов и дальнейшей работы с ними.

ПОЧЕМУ ПОЯВИЛСЯ УКАЗ?

– Исидор Шамилович, известно, что процесс реабилитации жертв сталинских репрессий идет уже не первое десятилетие, сначала в СССР, потом в суверенных государствах. Самый памятный момент, когда 4 ноября 1988 года Верховный Суд Казахской ССР реабилитировал 14 представителей казахстанской интеллигенции, в том числе Ахмета Байтурсынова, Жусупбека Аймаутова, Миржакыша Дулатова, Халела Габбасова и Магжана Жумабаева, расстрелянных как «враги народа». С принятием в независимом Казахстане Закона «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» процесс обрел правовое русло. В чем была необходимость нового Указа Главы государства?

– Как мы знаем, реабилитация жертв политических репрессий началась сразу после смерти Сталина, в годы хрущевской оттепели. Коснулась она в основном восстановления в правах освобождавшихся из концлагерей. Даже по приведенному примеру мы видим, что посмертная и массовая реабилитация началась лишь в годы перестройки, но и эти процессы, проходившие в Советском Союзе при

политическом руководстве Коммунистической партии, носили избирательный, половинчатый характер. Лишь с обретением независимости в Казахстане была проведена большая работа многих государственных структур, создана необходимая правовая база, принят Закон РК от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий».

Интересные подробности по этим процессам приводит в своем интервью порталу «Qazaqstan Tarihy» член тогдашней Государственной комиссии, а ныне руководитель Проектного офиса Госкомиссии Сабыр Ахметжанович Касымов. Как он отмечает, в рамках реализации указанного закона 1993 года, в Казахстане органами прокуратуры, КНБ, МВД и судами была проведена достаточно большая работа по реабилитации жертв политических репрессий. Были отменены приговоры или пересмотрены уголовные дела на незаконно осужденных по надуманным и сфальсифицированным обвинениям. То есть были юридически реабилитированы те, на кого оформлялись процессуальные документы. Но мы знаем, как много чинилось беззакония без всякого суда и следствия, и эти политические акции не расследовались. Кроме того, закон, принятый Верховным Советом на втором году независимости РК, был, по сути, аналогичен российскому, в него не попали самые большие категории жертв политических репрессий и голода, имевших место в Казахстане.

От большого террора 1937–1938 годов, репрессий в отношении интеллигенции, известных политических и общественных деятелей пострадали не только казахстанцы, ему подверглись все народы Советского Союза. А для Казахстана для казахского народа самой большой трагедией, с самыми большими потерями стали политические кампании 1928–1932 годов. Специально принятая, одобренная Сталиным, последовательно и жестко реализованная Голощекиным и его командой программа «Малый Октябрь в Казахстане» явилась политической и идеологической основой для беспрецедентно жестоких и бесчеловечных репрессий в отношении казахстанцев, членов их семей, стариков и малолетних детей.

Однако перед принятием названного закона не изучалась и не принималась во внимание эта трагедия казахского аула и села, сопровождавшаяся массовыми политическими репрессиями, расстрелами без суда и следствия в ходе подавления народных восстаний, вынужденным переселением с мест проживания и приведением к оседлости, другими карательными акциями, приведшими к массовому казахскому исходу в Китай, Иран, Афганистан и гибели половины казахского народа. Как не учитывались законом и другие особенности, специфика репрессий, имевших место в нашей республике.

Потому правовая работа в этом направлении двигалась медленно. Главное, как свидетельствует С. А. Касымов, тормозилось рассекречивание необходимых архивных документов, в том числе из боязни порождения разногласий и нестабильности в обществе. Хотя общественно деятельность в этом направлении было востребовано: появились литературные произведения об этом трагическом периоде, документальные кинофильмы, памятники жертвам репрессий и голода...

– **О чинимом тогда произволе и голодоморе, о казахском исходе 1930-х годов мы читаем в книгах Сакена Жунусова «Аманай мен Заманай», Смагула Елубая «Одинокая юрта», в дилогии Сатимжана Самбаева «Медный колосс»...** Писатель, поэт Валерий Михайлов, автор книги «Великий джунт», одним из первых обратившийся к теме голода и репрессий в казахской степи, пишет еще

по воспоминаниям очевидцев и по архивным документам, рассказывая в том числе и о репрессиях в отношении священнослужителей и спецпереселенцев, которые наряду с рекрутированным местным населением использовались при строительстве шахт Караганды, других строек.

– Надо напомнить, что это возглавляемый Сабыром Ахметжановичем Республиканский общественный фонд «Каһармандар» в числе других инициатив в поддержку реформ Главы государства выдвинул предложение о создании Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане. Работа С. А. Касымова в двух комиссиях девяностых годов, пытавшихся восстановить историческую справедливость в отношении незаконно осужденных, пострадавших в годы коллективизации и конфискаций, массового голода представителей крестьянства, но не давших нужного результата, представляла необходимые для этого материалы.

Первая комиссия, созданная Постановлением Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 14 ноября 1991 во главе с народным депутатом, академиком М. К. Козыбаевым дала объективную оценку постановлениям Казкрайкома, КазЦИК и СНК КазССР о конфискации байских хозяйств, об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства, по социалистическому переустройству сельского хозяйства и борьбе с кулачеством и байством, признав их антинародными и приведшими к массовым политическим репрессиям. Но рассмотрение этого вопроса не было вынесено на заседание и обсуждение Верховного Совета, а ограничилось лишь принятием постановления его президиума. В результате выводы и решения комиссии не нашли полноценной реализации. Хотя, по предложению С. А. Касымова, можно было признать вышеуказанные акты недействительными с момента их принятия, тогда все решения органов власти и ее правоприменительная практика были бы признаны незаконными, а жертвы их реализации считались реабилитированными. А потом и архивы фондов по политическим репрессиям в стране закрылись, стали недоступны.

Не добилась законодательных результатов и вторая комиссия, созданная постановлением Сената Парламента Республики Казахстан 8 декабря 1997 года по инициативе депутата С. А. Касымова, ставшего ее председателем, накануне передислокации Парламента в новую столицу – Акмолу. Основываясь на международных актах и стандартах по проблемам ликвидации последствий колониализма, восстановления прав пострадавшего населения, комиссия ставила задачу проанализировать и дать политико-правовую оценку основным акциям и актам, носящим явно репрессивный характер в отношении Казахстана и казахов, выявляла различные категории жертв и виды репрессий, устанавливала особенности репрессий на территории Казахстана. Но и эти благие намерения не были реализованы, комиссия прекратила свою работу в силу многих чинимых препятствий и организационных проблем.

Вот такая шла пробуксовка в попытках ввести в правовое поле проблему политических репрессий в отношении крестьянства. Разъясняя в своем интервью цели и задачи, поставленные Президентом перед членами Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, С. А. Касымов конкретизирует: «Если мы на этот раз доведем до конца, всесторонне и объективно исследуем, с какой целью, какими методами проводились эти антинародные акции, установим число этих антинародных акций, выясним, к каким социальным последствиям и

людским жертвам они приводили, то наглядно покажем и докажем всем и в Казахстане, и в других странах объективные причины, приведшие к “алапат касірет”, к гибели половины казахского народа по вине большевистско-сталинской власти. Тогда можем уверенно и доказательно ставить вопрос о международной оценке этой трагедии нашего народа. И сейчас Госкомиссия, созданная Указом Президента К. К. Токаева, приняла решение, что пять из десяти рабочих групп изучает в основном политические репрессии в отношении крестьянства». Этим занимается и наша рабочая группа по изучению, подготовке заключения и рекомендаций для реабилитации жертв насильственной коллективизации, заготовительных и других политических кампаний большевистско-сталинской власти в отношении крестьянства.

Для беспрепятственной реализации обозначенных целей и задач, поставленных Президентом, и был принят действующий ныне Указ, согласно которому в полномочия Государственной комиссии, осуществляющей юридическую и политическую реабилитацию жертв политических репрессий в Казахстане, входит:

- выработка предложений по завершению работы по восстановлению исторической справедливости в отношении жертв политических репрессий, реабилитации всех категорий жертв репрессий;
- выработка и внесение предложений в Правительство по разработке нормативных правовых актов для полной юридической и политической реабилитации жертв политических репрессий;
- формирование перечня категорий фактически не реабилитированных жертв политических репрессий в Казахстане, в том числе: категории жертв, не охваченных действующим законодательством; категории жертв, названных в законодательстве, но фактически не реабилитированных;
- формирование перечня категорий жертв репрессий, подлежащих не только правовой, но и политической реабилитации;
- координация деятельности государственных органов по вопросам реабилитации жертв политических репрессий, рассмотрения заявлений и жалоб по вопросам восстановления прав не реабилитированных;
- выработка и внесение предложений по обеспечению разработки и принятия Государственной программы по увековечению памяти жертв политических репрессий, в том числе проявивших героизм в борьбе за свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана.

Но уже полтора года работы Государственной комиссии показывают, что Закон Республики Казахстан от 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» не отвечает требованиям сегодняшнего дня и заявленным в Указе полномочиям Государственной комиссии. Проектным офисом Госкомиссии ставится вопрос о необходимости создать рабочую группу и приступить к разработке нового законопроекта о реабилитации, в котором были бы обозначены категории лиц, подлежащих реабилитации, но не попавших под действие Закона от 1993 года, в котором нашли бы отражение современные реабилитационные тенденции. А логическим продолжением нового законопроекта станет выработанная современная правовая база, которая позволит завершить начатую огромную работу. Что, в свою очередь, позволит по-новому увидеть казахскую историю первой половины XX столетия, извлечь из ее выводов уроки для будущего в контексте реализации политических и экономических реформ, обозначенных в Послании Главы государства К. К. Токаева «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации».

ШИРИТСЯ КРУГ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

– Мы говорим, Исидор Шамилевич, о значительном усилении состава созданной Государственной комиссии компетентными и квалифицированными специалистами. Надо, видимо, сказать и об отечественных ученых и зарубежных историках, все эти годы участвовавших в исследованиях, обратившихся к проблеме голода и репрессий 1928–1932 годов в Казахстане, помогающих работе Госкомиссии. Пример тому – Международная конференция «Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории», состоявшаяся десять лет назад во Дворце Независимости в Астане, собравшая историков, демографов, архивистов из разных стран мира. Широкий круг специалистов в своих выступлениях всесторонне подходил к освещению заявленной проблемы, рассматривая и такой острый вопрос: считать ли геноцидом против народа голод тридцатых годов? Может быть, стоит обозначить ее участников?

– Думаю, это было весьма представительное собрание, где доклады представили директор Российского государственного архива экономики, кандидат исторических наук Е. А. Тюрина и профессор кафедры источниковедения РГГУ, член-корреспондент РАН В. П. Козлов, профессор Мельбурнского университета Стивен Уиткрофт (Австралия), ведущий научный сотрудник программы изучения России и Евразии Фонда Карнеги в поддержку международного мира Марта Брил Олкотт (США), профессор Университета штата Мэрилэнд Сара Камерон (США), ведущий научный сотрудник Национального научно-исследовательского центра Франции Изабель Огайон (Франция), профессор Берлинского университета имени Гумбольта Роберт Киндлер, докторант Высшей школы социальных наук Ксавьер Аллеза (Франция), заведующий кафедрой Дипломатической академии Киргизской Республики З. К. Курманов, а также казахстанские ученые: директор Института истории государства Б. Г. Аяган и директор Института истории и этнологии Х. М. Абжанов, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби Т. О. Омарбеков, директор Центрального государственного архива Республики Казахстан Л. С. Актаева и многие другие, уделившие в своих выступлениях основное внимание особенностям проблемы голода 1930-х годов на территории Казахстана с уточнением демографических последствий голода.

Так, Изабель Огайон говорила о проблемах, связанных с разрушением традиционной структуры казахского аула: «Колоссальное сокращение поголовья скота и последующий голод, несомненно, создали условия для необратимой седентаризации казахов. Около миллиона казахов, из них большинство откочевников, были поселены в животноводческих колхозах, около двухсот тысяч – в колхозах технических и зерновых культур, остальные попали в промышленный сектор. Радикально нарушая социальное равновесие, перемещая родовые группы в указанные территории, негативно сказываясь на передаче традиций и памяти старших поколений, вынужденная седентаризация стала для казахского социума фундаментальным переломом и, в определенной степени, насильственной декультурацией».

Немецкий историк, профессор Роберт Киндлер отмечает, что в 1932–1933 годах голод произошел на большей части СССР, однако эпицентр его находился на территории Украины, Поволжья, Северного Кавказа и в Казахстане. Однако ни один регион, считает Киндлер, не пострадал так сильно, как Казахстан: «Был

практически полностью уничтожен экономический базис республики. От голода и связанных с ним болезней в Казахстане погибли более 1,5 млн человек, примерно одна треть казахского народа или четверть от общей численности населения на территории Казахстана».

При этом французский историк Изабель Огайон и австралиец Стивен Уиткрофт не разделяют версию о преднамеренном характере демографической катастрофы в Казахстане и геноциде казахского народа. В качестве аргумента И. Огайон приводит правовое определение понятия «геноцид», которое ставит на первое место «намерение уничтожить этническую, расовую или религиозную группу», утверждая, что казахи «никогда не представляли националистическую опасность для СССР». Изучающий историю коллективизации в СССР С. Уиткрофт, отмечая, что «размах катастрофы казахов сравним только с опытом Украины», также опровергает теорию геноцида в отношении народов Советского Союза, в качестве доказательства приводя тексты государственно-партийных постановлений о предоставлении продовольственной помощи пострадавшим районам. То есть при обсуждении вопроса геноцида, до сих пор являющегося дискуссионным как в отечественной, так и зарубежной историографии, исследователи апеллируют, прежде всего, к правовым аспектам.

И здесь хочется возразить: формально под признаки геноцида действия властей, возможно, не подходят, но по факту признаки геноцида прослеживаются, становятся таковыми. Предпринятые реформы, нарушившие традиционный уклад жизни, экономическое воспроизводство в ауле, привело, по многим оценкам, к гибели и утрате в результате откочевок половины коренного населения. Потому убежден: к этому вопросу надо подходить не только с формальной научной точки зрения, но и по факту последствий.

Исследуя труды зарубежных ученых, изучавших факторы казахстанской трагедии 1932–1933 годов и дискуссионные вопросы коллективизации в Казахстане, доцент Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева Б. К. Альжаппарова в своей обзорной статье «Современная зарубежная историография казахстанской трагедии 1932–1933 годов», констатирует, что «несмотря на то, что эти ученые придерживаются различных, порой диаметрально противоположных концептуальных подходов, их исследования характеризует репрезентативная источниковая база, фундаментальность и основательность освещения этого вопроса». Это позволяет автору сделать вывод, что «процессы, происходившие в Казахстане в годы коллективизации, показали, что голод так же, как и откочевки, стал результатом стремительного крушения традиционной структуры казахского общества. Заготовительные кампании, радикальные аграрные преобразования привели к непомерному упадку сельского хозяйства и разрушению традиционного хозяйства, разумной альтернативы которому на территории Казахстана тогда еще не существовало». Данный вывод базируется на монографиях о проблемах голода и репрессий 1928–1932 годов в СССР и Казахстане известных ученых: А. Грациози «Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933», Р. Конквест «Жертва скорби. Советская коллективизация и террор голодом», М. Б. Таугер «Урожай 1932 года и голод 1933 года. Голод 1932–1933 годов», Н. Пианчола «Европейская и американская историография о великом голоде в Казахстане», С. Уиткрофт, Р. Дэвис «Годы голода: сельское хозяйство СССР. 1931–1933 годы», И. Огайон «Седентаризация казахов СССР при Сталине».

Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.)», Р. Киндлер «Сталинские номады. Власть и голод в Казахстане» и других. И он свидетельствует, что именно волюнтаризм власти, принимавшей решения вопреки объективным условиям и обстоятельствам, без учета последствий принятия этих решений, и привел в результате к голодомору.

Для нас существенным является тот факт, что в большинстве этих трудов, как и в принятой участниками Международной научной конференции «Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории» резолюции, отмечено, что «вопрос изучения проблем голода в 30-е годы XX века является не политической, а научной проблемой». Перед нами так же стоит задача не политизировать ни аналитическую работу Госкомиссии, ни ее заключение по полной реабилитации жертв политических репрессий. Но за этой «научной проблемой» стоят судьбы конкретных людей и судьба страны, бедствия ее народа. Мы встречаем в открывшихся документах, в свидетельствах очевидцев факты, когда рядом с вымиравшими аулами и селами в степных загонах гибли тысячи голов скота, конфискованного, но не вывезенного. Как расценивать такое бесчеловечное отношение властей к людям, если это не преднамеренный голодомор, за который никто не был осужден, никто не понес наказание?

Возвращаясь к астанинской конференции, нужно сказать о презентации известным российским архивистом и ученым Е. А. Тюриной трех книг документальной серии «Голод в СССР. 1929–1934 гг.» международного проекта, участниками которого стали Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан. Впервые были опубликованы еще недавно секретные документы из Архива Президента РК, Архива Президента РФ, Национального архива РБ, Центрального архива ФСБ России, Архива внешней политики МИД России, федеральных, краевых и областных архивов всех стран, территории которых входили в состав СССР и были охвачены губительным голодом. В научный оборот были введены 1326 новых документов о событиях 1929–1933 годов: от появления продовольственных затруднений и случаев голода в зерновых районах СССР до кульминации голода с осени 1932-го до весны-лета 1933 года. В выступлении члена редакционного совета серии В. П. Козлова были проанализированы методы изучения больших массивов архивных документов и проблемы их интерпретации для издающихся сборников документов – опыт, весьма полезный для работы нашей Госкомиссии.

ИЗДАНЫ ПЕРВЫЕ АРХИВНЫЕ СБОРНИКИ

– Исидор Шамилович, но мы сегодня сами уже можем говорить о том, что по результатам работы Государственной комиссии в издательстве «Дэуір» вышли первые два тома редких архивных материалов, подготовленных коллективами Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова и Проектного офиса Госкомиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий во главе с С. А. Касымовым. Теперь специалисты-исследователи из рабочих групп и региональных комиссий, в которых задействовано более 300 человек, а также все заинтересованные лица получают возможность детально изучить документальные свидетельства трагических событий отечественной истории. Давайте представим читателям «Простора» новые архивные сборники документов.

– Как свидетельствуют исследования казахстанских и зарубежных историков, у нас нет еще полной картины и даже примерно выявленной численности людей, пострадавших и погибших в результате репрессивных действий советского периода в Казахстане. Сейчас, восстанавливая историческую справедливость, этот процесс проводится в государственном масштабе. В соответствии с поставленными задачами, обозначенными в ныне действующем Указе Президента, и строится работа Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, первый результат которой мы видим в представленных двух томах сборника архивных документов, за которыми последует издание еще несколько десятков таких книг.

В первый том сборника вошли нормативные правовые акты и документы большевистской власти, послужившие основанием для массовых политических репрессий в Казахстане в советский период. Рассекреченные архивные документы, включенные в сборник, дают возможность рассмотреть правовые, политические основы и конкретные механизмы репрессивной политики тоталитарного режима в отношении различных социальных групп, основных категорий жертв массовых репрессий.

Во втором томе представлены документы по истории ликвидации баев и кулаков в Казахстане в конце 1920-х – начале 1930-х годов, обнаруженные в фондах Архива Президента РК, Центрального государственного архива РК и некоторых региональных (областных) архивов. Основная часть документов впервые вводится в научный оборот в контексте разработки и осуществления репрессивной политики партии большевиков, раскрестьянивания и тотального нарушения экономических, социально-политических и культурных прав человека, разрушения частной собственности. Здесь содержится информация о 1054 семьях казахских баев, середняков, аткаминеров, бывших волостных управителей, чингизидов, а также почти о 20 000 семей русских, украинских, белорусских кулаков – крестьян, граждан нашей республики. Есть информация о трагедии 365 000 российских кулаков из европейской части СССР, насильно сосланных в Казахстан.

Приведем некоторые выдержки из документов, размещенных в этих архивных сборниках.

Документ № 8 (Государственный архив города Кокчетавы.

Ф. 296. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-2 с об.)

Это *список лиц, расстрелянных за активное участие в восстании 1921 года*. Только по одному Кокчетаву он содержит 232 фамилии людей разных национальностей, разного возраста – от 18 до 70 лет.

Согласно исторической справке:

«Начавшись 31 января 1921 года в северо-восточной части Ишимского уезда Тюменской губернии, восстание в короткий срок охватило большинство волостей Берёзовского, Ишимского, Сургутского, Тобольского, Туринского, Тюменского и Ялуторовского уездов Тюменской губернии, Атбасарского, Акмолинского, Кокчетавского, Петропавловского, Тарского и Тюкалинского уездов Омской губернии, Курганского уезда Челябинской губернии, восточные районы Камышловского и Шадринского уездов Екатеринбургской губернии. Весной 1921 года повстанческие отряды действовали на огромной территории от Обдорска на севере до Каркаралинска на юге, от станции Тугулым на

западе до Сургута на востоке. Численность повстанцев к апрелю превысила 100 тыс. человек».

В листовке кокчетавских повстанцев 1921 года читаем:

«...Коммунисты извратили задачи истинно народной власти. Они забыли, что благо... трудящихся есть основание народного благополучия. Они больше думали о себе, о своей партийной дисциплине, а не о нас, землеробах... истинных хозяевах страны. Всем известная ЧЕКА, ни с чем не сообразная разверстка на предметы нашего труда, бесконечная подводная повинность, постоянные страхи за лишнее сказанное слово, за лишний кусок хлеба, тряпку, лишнюю вещь – все это жизнь нашу, и без того невеселую, обратило в ад, превратило нас в рабов случайных выскочек, мальчишек с сомнительным прошлым и настоящим. Неумелое хозяйничество нашим добром переполнило чашу терпения, и мы... объявили восстание и прогнали коммунистов... Мы боремся за истинно народную власть, за неприкосновенность личности и частной собственности, за свободу слова, печати, союзов, убеждений... Мы не сторонники расстрелов, крови... много пролито до нас... Долой коммуны! Да здравствует народная власть Советов и свободный труд!»

Документ № 40 (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1687. Л. 57)

Телеграмма секретаря Казахского краевого комитета ВКП(б)

Голощекина в ЦК на имя Сталина

«О немедленном издании постановления по конфискации»

21 июня 1928 г. МОСКВА ЦЕКА ВЕКАПЕ СТАЛИНУ

Совершенно секретно передайте Москве:

Решение комфракции ВЦИК о конфискации сообщенное нам Нурмаковым по мнению Крайкома резко расходится решением ЦК и Крайкома по этому вопросу и сводит это мероприятие к нулю с точки зрения поставленных задач. Крайком настаивает отмене решения комфракции ВЦИК. Ввиду срочности издания постановления Крайком просит если ЦК не согласен с положениями выставленными нашей запиской разрешить издание постановления Казакским Правительством с учетом замечаний ЦК. Крайком полагает положить в основу изменение дореволюционных социально экономических отношений аула на основе ликвидации остатков полуфеодальных отношений и удара по родовым отношениям. Общее количество хозяйств подлежащих выселению и конфискации ограничить в пределах восьмьсот – тысяча хозяйств. Издать постановление необходимо немедленно, так как идет массовая распродажа скота байством. Если наши положения все же вызывают сомнение просьба поставить на обсуждение в присутствии Голощекина.

Просьба копию передать Калинин, Нурмакову. 6491/с.

Секретарь Крайкома /подпись/ Голощекин

«21» июня 1928 г. гор. Кзыл-Орда /Крайком ВКП(б).

Следующий документ характеризует одного из тех, кто обеспечивал экономическую и общественную устойчивость казахского аула, против кого была направлена репрессивная машина.

Документ № 32 (ЦГА РК. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 67. Л. 66)

Личный листок на бая Акмагамбетова Аккенже

Вост[очный] отдел ПП ОГПУ по Казахстан. Группа 1-я 10 августа 1928 г.
Акмагамбетов Аккенже происходит из казахов № 4 аула Чингизской волости Семипалатинского округа. Женат – семейство состоит из 5 человек. Имеет 480 голов крупного и 12000 голов мелкого скота. Постоянно эксплуатирует 6 батраков. При царском правительстве и колчаковщине был бием, состоял членом партии Алаш-Орда. Занимался вербовкой бедноты в алаш-ордынские отряды и оказывал материальную поддержку. Вел активную антисоветскую деятельность, за что находится под судом и следствием. Материал у нарследователя 7 участка. Систематически укрывает объекты обложения, за что также привлечен к ответственности. Пользуется авторитетом.

Вр. и. д. начальника ВО Катков.

Уполномоченный Сапитов.

Остроту восприятия этих документов, раскрывающих страшную трагедию народа, не пригасила вековая толща прошедших десятилетий, их трудно комментировать. Их формулировки, неприкрытый цинизм, эти 232 расстрельных фамилии воистину «свистят, как пули у виска». И таких документов в работе Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессии будут многие и многие тысячи. Пусть они лягут краеугольным камнем в построение Нового Казахстана – справедливого для выстрадавшего его народа

Беседу вела Любовь ШАШКОВА.

Борчаивили Исидор Шамилович – заслуженный деятель Казахстана, доктор юридических наук, профессор, академик Казахской национальной академии естественных наук, заслуженный работник МВД РК, член научно-консультативных советов при Конституционном Совете РК и при Верховном Суде РК, автор многочисленных научных трудов, в том числе Комментария к Уголовному кодексу РК (1999 г., 2007 г., 2015 г., 2021 г.).

